

О возможности/невозможности использования феноменологического метода в аналитической психологии К.Г.Юнга: исторический контекст.

Данное сообщение является коррекцией моей собственной позиции, изложенной в статье «*Аналитическая психология: ее теория на практике*» (предисловие к книге: К.Г.Юнг, *Тэвистокские лекции*. - Киев: Синто, 1995, с.IV-VI) и в монографии «*Мифологическая революция в психоанализе*» (Киев: Наукова думка, 1996, с.8-9), в которых я пытался обосновать применимость феноменологического метода в рамках юнговской редакции психоанализа, основываясь при этом исключительно на личных декларациях самого Юнга, а также идя на поводу у множества предрассудков - своих личных и соответствующей эпохи. В ходе тех самых Тэвистокских лекций, а также во многих других работах и выступлениях, Юнг неоднократно заявлял, что его метод является чисто феноменологическим, чему я, как и многие его слушатели и почитатели, искренне верил. В перестроечные и первые пост-перестроечные годы подобная наивная вера в неизменную *основательность* утверждений маститых классиков западной мысли, будь-то Юнг, Фрейд, Элиаде, Хайдеггер, Шпенглер, Гадамер, Мерло-Понти или, к примеру, Гуссерль, была общим недугом отечественного интеллектуального сообщества. Хочется верить, что, наконец, настало время для более трезвого, а значит и более критичного осмысления наследия этих (и многих других!) столпов.

Да, К.Г.Юнг любил подчеркивать, что высказываемые им положения никоим образом не претендуют на роль теоретических обобщений, что он занят сообщением исключительно эмпирических фактов и что именно на этом основании его метод можно считать феноменологическим. Но так ли это на самом деле? Всегда ли он был по-настоящему эмпиричен и феноменологичен? К настоящему моменту, более детальное историко-критическое изучение наследия К.Г.Юнга привело меня к выводу о том, что взаимоотношения между аналитической психологией и феноменологией куда более проблематичны. И дело даже не столько в том, что юнговские представления о феноменологическом методе существенно отличались от взглядов, высказывавшихся такими патриархами феноменологии, как Эдмунд Гуссерль (кто сказал, что феноменология Гуссерля «лучше» или «правильнее» феноменологии Юнга?!), а в том, насколько он сам - К.Г.Юнг - был верен своему собственному феноменологическому кредо. При разрешении этого затруднения никак не обойтись без тщательного исторического анализа.

Однако ремесло *историка* философии и психологии обявляет меня отказаться от излюбленного оружия самих философов (да и многих психологов) - спекуляций во вселенском масштабе. Я постараюсь говорить не о «феноменологии вообще» и «аналитической психологии вообще», а лишь о том, какую роль в конкретном историческом контексте (в жизни и суждениях Юнга) играло представление о феноменологии (не обязательно строго совпадающее с представлением о ней того же самого Гуссерля или других феноменологов, а скорее являвшееся отголоском определенных интеллектуальных тенденций в рамках общегерманского культурного контекста первых десятилетий нашего века, которые и привели к зарождению и росту популярности феноменологии, как особого философского течения).

Я считаю, что рассматривая эволюцию воззрений великого швейцарского мыслителя в их корреляции с феноменологией, есть смысл сосредоточить внимание на том, как с течением времени изменялись его представления о соотношении трансцендентального и феноменального и - соответственно - объяснительного и описательного подходов в психологии. В связи с этим мне бы хотелось выделить четыре взаимосвязанных, но весьма неоднородных периода в эволюции воззрений Юнга:

1) До-феноменологический период (юные годы - вплоть до 1900 г.).

Сжато специфику этого периода можно охарактеризовать следующим образом: **«Трансцендентальное не отличается от феноменального. Объяснение предшествует описанию».**

В свои ранние годы Карл Юнг, судя по всему, попросту не задумывался о возможности сколько-нибудь принципиального отличия между трансцендентальным и феноменальным пластами бытия и потому то, что, как ему казалось, было простым описанием его первых психологических экспериментов (речь идет о его спиритических сеансах со своей кузиной Хелен Прейсверк), на самом деле являлось их заранее заготовленным объяснением. Экспериментально обнаруженным феноменам надлежало стать всего лишь еще одним подтверждением существования трансцендентальных ноуменов, реальность которых признавалась априорно. В этот период Юнг был пропагандистом наивно-спиритических верований в объективное существование духов умерших и в возможность прямого общения с миром подобных духовных сущностей.

Вот, что говорит по поводу этих спиритических изысканий специалист по истории юнгианства Ричард Нолл: «Юнг воспринял эти спиритические эксперименты настолько серьезно, что некоторые возникшие в ходе них идеи властвовали над ним значительно дольше, чем инструкции, полученные им в медицинской школе. Нет сомнений в том, что по его мнению посредством медиумических трансов он получал знание из находящегося вне самой Хелли (Хелен Прейсверк - основной объект юнговских спиритических экспериментов - *В.М.*) интеллигибельного источника. Когда бы ни появлялись все те личности, которые возникали в процессе представлений Хелли, Юнг признавал их реальными и пытался вступить с ними в диалог. По крайней мере, в течение некоторого периода времени Юнг

рассматривал некоторые из этих опытов как случаи подлинного контакта с бестелесными существами».

Следует отметить, однако, что большинство «явлений духов», якобы происходивших в ходе трансов Хелен Прейсверк, можно с легкостью объяснить обыкновенной криптомнезией.

2) Период феноменологического оптимизма (1900-1909 гг.)

Суть этого периода такова: **«Трансцендентальное исключается из сферы научного знания, предметом которого провозглашается только феноменальное. Описание доминирует над объяснением»**. В 1900 г. Юнг поступает на работу в психиатрическую клинику Бурхгельцли в Цюрихе, где под сильным влиянием со стороны Ойгена Блейлера временно отходит от своих прежних метафизических спекуляций и начинает отдавать предпочтение *описанию фактов*. Духи становятся психическими комплексами, а мир духов - бессознательной психикой. На смену прежнему наивно-спиритическому мировоззрению приходит теория комплексов. Под руководством Блейлера Юнг разрабатывает знаменитый словесно-ассоциативный тест, использующийся (с определенными модификациями - тест МБТИ, детектор лжи) и поныне. Именно в этом пункте Юнг ближе всего подходит к феноменологии, ибо данная психологическая техника в наименьшей степени зависима от априорных установок (заготовленных объяснений, отсылающих к некоей трансцендентальной реальности) исследователя и сводится преимущественно к регистрации психологических феноменов и их описанию. Психологии Юнга данного периода удается оставаться в пределах феноменального опыта.

О характерном для этого периода новоявленном научно-феноменологическом оптимизме Юнга лучше всего свидетельствует его выступление перед членами общества «Бернуллианум» (Базель) 5 февраля 1905 года, в ходе которого он признал, что медиумы (дотоле считавшиеся им заслуживающими полного доверия трансляторами совершенно подлинной информации, идущей из мира духов), как правило, имеют психические отклонения, что, естественно, не может не вызвать некоторого скепсиса по поводу реальности духов. Во время той же лекции «тоном, наполненным характерными для людей науки нотками убежденности и скепсиса, двадцатидевятилетний Юнг сообщил аудитории следующее: 'Все, что может рассматриваться как научно установленный факт, относится к сфере психических и *церебральных* (курсив мой - В.М.) процессов и оно может быть полностью объяснено в рамках законов, которые уже известны науке'».

В том же году (1905) Юнг написал очерк под названием «Криптомнезия», в котором самолично дал подлинно научный ключ к интерпретации столь любимых им актов «спонтанной» демонстрации трансцендентальной реальности как всего лишь «новой комбинации воспоминаний, состоящих из пережитых прежде событий или узанных прежде фактов». Но в последующие годы Юнг и сам продемонстрировал поразительную забывчивость и так больше ни разу и не воспользовался этим весомым аргументом против «экспериментальных» подтверждений мира духов (так сказать «феноменальности трансцендентального»).

3) Период феноменологического ревизионизма (1909- тридцатые годы)

В эти судьбоносные годы формирования специфического духовного движения, ныне известного всему миру как «Аналитическая психология Карла Густава Юнга», **трансцендентальное выдается за феноменальное в целях легитимации объяснительного подхода под видом подхода чисто описательного**.

Движимый желанием реанимировать утраченный «мир духов», Юнг отходит от экспериментальной и клинической психологии. Все больше внимания он уделяет древним мифам и мистериальным религиозным культам, что приводит его к разрыву как с О.Блейлером, так и с З.Фрейдом. После ухода из клиники Бурхгельцли и из психоаналитического движения Юнг испытывает глубокое психотическое расстройство, в ходе которого якобы переживает мистерию самообожествления и, по его собственному признанию, становится языческим богом Аионом (декабрь 1913 г.). Это галлюцинаторное посвящение в древнейший арийский мистериальный культ превращает его в глазах многих современников в Арийского Христа.

Лекция в Цюрихском психологическом клубе, прочитанная Юнгом в 1916 г., знаменовала собой мистерию посвящения первых апостолов в учрежденный новым богом религиозно-мистический культ под названием «аналитическая психология». К формированию и распространению этого культа приложили огромные усилия такие первые адепты, как Тони Вольф, Эдит Рокфеллер-Маккормик, Фанни Боудич Кац, Констанция Лонг (*absolutely female!*).

Естественным следствием подобной «мутации» явилась изоляция Юнга (обретшего в ходе предшествовавшего десятилетия всемирное признание в качестве одного из пионеров экспериментальной психологии) и его движения от научного сообщества. Однако научные амбиции не покидали Юнга никогда и потому он всеми силами пытался

придать производимой им мистической реанимации ноуменальных сущностей облик научного открытия. Он настаивал на том, что архетипы можно обнаружить экспериментально, что они являются чисто эмпирическими феноменами.

Одним из самых убедительных доказательств объективного существования архетипов, а также именно тем эмпирическим фактом, на основании которого была построена теория архетипического бессознательного, Юнг называл (а его последователи продолжают делать это и по сей день) случай с так называемым «Солярным фаллическим мужчиной» - совершенно необразованным человеком, который в бреде якобы в точности пересказал содержание митраической мистерии (которое, как утверждалось, не было известно в те времена даже ученым). Впоследствии выяснилось, что Швайцер все же мог об этом прочитать и потому в данном случае тоже скорее всего имела место обыкновенная криптомнезия. Кроме того, пациентом Швайцером занимался вовсе не сам Юнг, а его коллега по Бургхельци И.Я.Хонеггер, внезапно скончавшийся в 1911 г. и архивами которого незаконно завладел Юнг. О попытке Юнга устранить Хонеггера из истории и об эпопее с его архивами, которые и по сей день утаиваются наследниками Юнга от научной общественности Ричард Нолл подробно рассказывает в своей книге *Арийский Христос* (с.390-396 указанного русскоязычного издания), а также в предисловии к новому американскому изданию своей книги *Юнговский культ*. Ввиду того, что в настоящий момент трудно представить, когда именно отечественный читатель сможет познакомиться с этой книгой целиком, я, с любезного согласия д-ра Нолла, приведу этот чрезвычайно важный и показательный материал из последнего издания *The Jung Cult* полностью:

«Один из самых озорчатых подтекстов полемики вокруг *The Jung Cult* связан с отделом рукописей Библиотеки Конгресса. Во время подготовки книги к изданию я узнал, что фотокопии обширных клинических записей (и других материалов), принадлежащих одному раннему сотруднику Юнга, были переданы Библиотеке Конгресса. Этими документами были личные бумаги И.Я.Хонеггера - молодого врача и ассистента Юнга, покончившего жизнь самоубийством весной 1911 г. Хонеггер не оставил никаких официальных указаний насчет размещения своих бумаг и поэтому они перешли в распоряжение К.Г.Юнга. Юнг хранил их десятилетиями, а впоследствии передал своему сотруднику К.Майеру. Майер долгое время держал их у себя, а затем окончательно разместил их в архивах библиотеки Цюрихского университета, где хранятся также и многие профессиональные бумаги Юнга. Некий американский последователь Юнга получил в свое распоряжение фотокопии этих документов, некоторое время удерживал их у себя, а затем - в ноябре 1993 г. - передал Библиотеке Конгресса.

Однако, как только юнгианцы, находящиеся в Швейцарии, узнали, что их заблаговременно не уведомили о передаче этих бумаг Библиотеке Конгресса и не получили на это их разрешение, они потребовали, чтобы бумаги Хонеггера были немедленно возвращены в Швейцарию. В течение двух лет Библиотека Конгресса отказывалась отсылать их обратно в Швейцарию, и в конце концов их удалось сохранить, но лишь подчинившись определенным ограничениям, навязанным членами семьи Юнга и их сотрудниками. Таким образом Библиотека Конгресса согласилась допускать к бумагам лишь тех, кто располагает письменным разрешением, полученным от определенных юнгианцев из Цюриха. Это вылилось в неразрешимую проблему. Мои письма к юнгианцам в Швейцарию остались без ответа, что и не удивительно, ведь они явно не хотели, чтобы хоть *кто-нибудь* прочитал эти документы. Я также обращался с настойчивыми требованиями в Библиотеку Конгресса. После стычки по поводу предполагавшейся, а впоследствии «отмененной» фрейдовской выставки, Библиотека Конгресса ответила на мои требования письмом, в котором было заявлено, что документы отосланы некоему американскому юнгианцу, от которого она их в свое время и получила. Дело было закрыто.

Почему бумаги Хонеггера оказываются настолько важными, что юнговский внутренний круг не хочет, чтобы хоть кто-нибудь их увидел? Я убежден и доказываю в этой книге, что это так потому, что в них содержатся клинические записи за 1909-1910 гг. с изложением знаменитого случая с «солярно-фаллическим мужчиной», приводившегося Юнгом в качестве наиболее убедительного из всех встречавшихся ему доказательств коллективного бессознательного. «Солярно-фаллическим мужчиной» был стационарный пациент, увидевший свешивающийся с солнца фаллос. В течение всей своей жизни Юнг утверждал, что этот пациент описал образ из литургии древнего мистериального культа, текст которой был переведен и опубликован в 1910 г., т.е. предположительно через несколько лет *после* того, как пациент сообщил этот бред. Юнг считал, что содержание бреда основывалось на материале, вырастающем из архаического, филогенетического слоя бессознательного разума. Как я показываю в данной книге, Юнг в ходе своей карьеры был склонен лгать обо многих (большинстве) деталях, связанных с данным случаем. А в этих клинических записях, судя по всему, содержится правда, но эта та самая правда, которую члены юнговской семьи и его оставшиеся в живых последователи так не хотят раскрывать. Более чем вероятно, что публикация бумаг Хонеггера окончательно продемонстрирует не только то, что идея Юнга о коллективном бессознательном была ошибочной, но и то, что во имя сокрытия этой своей ошибки он впоследствии лгал по поводу данного случая.

До тех пор, пока семья Юнга не обнаружит бумаги Хонеггера, общественность так и не узнает об истинном положении вещей.

К этому нужно добавить, что и о многочисленных пациентах, которые впоследствии якобы спонтанно демонстрировали на сеансах у Юнга архетипическую реальность, можно сказать, что практически все они перед анализом уже обладали обильной теософской и спиритической информацией, а посему тут точно так же, как и в случае со Швайцером, могла иметь место обычная криптомнезия.

Никакими иными доказательствами (убедительными с точки зрения современной науки) объективности существования архетипов юнгианство, увы, не располагает.

4) Период феноменологического пессимизма (последние десятилетия).

По всей видимости, осознавал это и сам Юнг, вследствие чего в его публикациях и выступлениях последнего периода жизни: **«Трансцендентальное выводится из сферы действия феноменологического описания без надежды на объяснение»**

В наново отредактированных работах (для *Collected Works*) не без сожаления говорится об условности, гипотетичности, чисто формальной и бессодержательной природе архетипов, а также об их неопишемости, непознаваемости и необъяснимости. Вот характерное высказывание, сделанное Юнгом в работе *«Архетипы и коллективное бессознательное»* (1934 г.): «Следует, наконец, освободиться от иллюзий, будто архетипы возможно объяснить - и тем самым с ними покончить. Всякая попытка объяснить окажется ничем иным, как более или менее удачным переводом на какой-то другой язык.»

Параллельно с этим отказом от каких-либо попыток вразумительного объяснения своей гипотезы о существовании архетипов коллективного бессознательного Юнг (как мне представляется, не в последнюю очередь и во имя того, чтобы сохранить за ней хотя бы какую-то степень интеллектуальной легитимности) начинает активно использовать в своих сочинениях понятие «синхронистичности» - идею о возможности некоей акаузальной взаимосвязи между различными феноменами, почерпнутую им в ходе занятий древними восточными философиями. Судя по всему, он хотел сказать: «Пускай мы не в состоянии доказать, что трансцендентальное (духи, боги, изначальные образы, архетипы) является единственной подлинной порождающей причиной феноменов, наблюдаемых в галлюцинациях психотиков, древних мифах и сказках, а также в художественных произведениях, мы тем не менее можем считать, что между ними существует *какая-то* акаузальная взаимосвязь...»

Правда, какова же, собственно, эта связь, мы так и не узнаем. Таким образом, хотел того Юнг или нет, но в его поздних сочинениях объяснение капитулировало перед описанием, а трансцендентальное - перед феноменальным. И это, как мне кажется, далеко не самый худший финал эпопеи с феноменологизацией трансцендентального.